

Едва забрезжил рассвет, Вэй Чэн, управившись с завтраком, принялся будить младшего брата. Однако Горшочек и не думал выбираться из тепла — он только глубже зарылся в одеяло, не подавая признаков жизни.

Вытирая руки полотенцем, Вэй Чэн позвал: — Горшочек, пора вставать и умываться. Скоро в школу идти.

В ответ — ни звука.

Вэй Чэн с любопытством подошел к кану. Малыш уткнулся лицом в ладонки и крепко зажмурился, но его длинные ресницы так и подрагивали.

Вэй Чэн невольно улыбнулся.

«Опять притворяется»

Он нарочито громко откашлялся: — Что же это Горшочек не отвечает брату? Неужто еще не проснулся?

— Не-а, — пробормотал малец, попавшись на удочку. Глаз он при этом так и не открыл.

— Правда не проснулся или только вид делаешь? — Вэй Чэн легонько ткнул пальцем в пухлую белую щеку, на которой от долгого лежания отпечатался след. — Раз не встаешь, то и омлет твой паровой остынет. Видно, придется всё Синъэру отдать.

Услышав про угощение, Горшочек тут же подпрыгнул, выпутываясь из одеяла: — Горшочек сам съест! Отдай Горшочку!

Увидев лукавую улыбку на лице брата, даже такой неуч, как он, сообразил, что его обвели вокруг пальца. Малыш сжал кулачки и, словно круглый мяч-цуцзю, бросился в объятия Вэй Чэна: — Братик — обманщик!

Вэй Чэн, ожидавший этой атаки, подхватил тяжелого карапуза и, потянувшись за его жилеткой, со смехом проговорил: — Ну ладно, ладно. Одевайся скорее, пойдем умываться и зубы чистить. Если и дальше будем медлить, омлет и впрямь остынет.

Горшочек очень любил нежный, тающий во рту паровой омлет с капелькой кунжутного масла, а потому послушно вытягивал ручки и ножки, пока брат его одевал. Впрочем, рот его не закрывался ни на минуту: — Братик, а можно мы... сегодня не пойдем в школу?

Вэй Чэн удивился. Горшочек обычно любил бывать в школе — там всегда находилось что-то новенькое и любопытное. — Не пойдём? А чем же мы тогда займёмся?

— Горшочек хочет... с осликом играть, — признался малец.

Вэй Чэн усмехнулся.

«Видать, ещё не натешился с новым другом»

— Мы ведь не предупредили учителя и дедушку Чэня, — мягко возразил он. — Если просто не придем, они станут за нас волноваться. Давай договоримся: как только занятия закончатся, мы сразу вернёмся домой, и ты сможешь играть с осликом сколько захочешь. Идет?

Горшочек на мгновение задумался, наклонив голову, и послушно кивнул: — Идет!

После умывания Вэй Чэн достал баночку персикового бальзама. Заглянув внутрь, он увидел, что дно уже показалось.

Он с усилием соскреб остатки и бережно растер их по маленьким ручкам брата. — Сегодня придется купить новый.

Этот бальзам они купили, когда лицо Горшочка покраснелось и обветрилось на холоде. Спустя полмесяца кожа стала гладкой и нежной, а у малыша вошло в привычку мазаться «ароматной кашицей» каждое утро.

Горшочек быстро потер ладошки и принялся похлопывать себя по щекам: — Горшочек хочет такой же!

— Хорошо, купим точно такой же, — пообещал Вэй Чэн, убирая пустую коробочку.

На завтрак у них был омлет и свежесваренная каша из проса, а к ним — тарелка холодных огурцов. С тех пор как на огороде за домом созрели первые плоды, это нехитрое блюдо не сходило с их стола. Несмотря на возраст, Горшочек совсем не привередничал: ел всё, что давали, а больше всего любил похрустеть молодым огурчиком, забавно поджимая пальцы на ногах от удовольствия.

Огурцы в этом году уродились на славу. Как только тележку для осла закончат, нужно будет отобрать лучшие и отвезти на продажу в город. И пусть овощи в эту пору стоят гроши, если торговать понемногу каждый день, со временем соберется приличная сумма.

Вэй Чэн решил, что сегодня нужно докупить кое-какие вещи в дом, и велел Горшочку принести медный горшочек со сбережениями. — Братик, держи.

Он высыпал содержимое на стол — монеты рассыпались со звонким звоном. Те двадцать лянов он не трогал, у них оставалось еще два ляна и пятьсот вэнь. Покупки предстояли недорогие, так что сотни монет должно было хватить за глаза.

Народу на деревенской повозке сегодня было поменьше, и братья добрались до города раньше обычного. До начала уроков оставалось время, и Вэй Чэн решил заглянуть в лавку за мелочами.

Лавка всякой всячины только открылась. Зевая во весь рот, помощник встретил первых покупателей.

Вэй Чэн попросил баночку персикового бальзама. Парень окинул его взглядом и усмехнулся: — Молодой господин, это вы для гээр стараетесь или для сестрицы?

Юноша был высоким и не по годам степенным, так что его часто принимали за двенадцатилетнего. Не успел он ответить, как Горшочек привстал на цыпочки и звонко шлепнул ладошкой по прилавку: — Это братик для меня покупает!

Помощник так и прыснул: — А, так это для младшего брата, значит.

Он отбросил шутливый тон и деловито пояснил: — Тот персиковый бальзам, о котором вы просите, густой да жирный. Зимой он хорош — и лицо, и руки от холода бережет. Но сейчас, считай, лето на дворе, с ним коже тяжело будет.

Вэй Чэн задумался: и впрямь, в последние дни бальзам приходилось долго растирать, чтобы он впитался. — И что же лучше взять на лето?

Помощник выставил на прилавок лоток с маленькими баночками: — Вот эти в самый раз будут.

Он вынул пробку из одной, и Вэй Чэн увидел, что мазь внутри куда легче и водянистее прежней.

— Лесной аромат, цитрус или персик — что выберете? — спросил лавочник.

Вэй Чэн посмотрел на брата, и тот уверенно ткнул пальцем: — Хочу персик!

За бальзам отдали тридцать вэнь. Затем юноша спросил: — А есть у вас маленькие камышовые циновки?

— Как не быть, есть, конечно.

Вэй Чэн вспомнил, какой тряской будет дорога в город на ослиной тележке. Если он не сможет придержать Горшочка, того будет швырять из стороны в сторону. Пара мягких подушек-циновок под бок — и малышу будет куда легче переносить путь.

За две циновки отдали еще двадцать вэнь. Итого в лавке они оставили полсотни.

Оставив покупки на хранение, братья поспешили в школу. Сегодня они продолжали осваивать каллиграфию. Учитель Чжугэ, прохаживаясь между рядами, наставительно говорил: — Будь то уездный экзамен, окружной или даже столичный, первое, на что падает взгляд проверяющего, — это ваш почерк. Коли письмо ваше не будет изящным и твердым, никакое глубокое знание классики не спасет ваше сочинение — судья на него и не взглянет.

Услышав это, ученики со всем тщанием принялись за работу. Даже Горшочек проникся важностью момента: он выпрямил спинку, сосредоточенно нахмурил брови и принялся старательно выводить... тени бамбука. Сегодня учитель Чжугэ сам набросал ему пару изящных стеблей для примера.

Спустя полчаса в класс стремительно вошел Чжи Цай и что-то зашептал на ухо наставнику. Лицо учителя Чжугэ мгновенно изменилось. Бросив ученикам несколько коротких наставлений, он поспешно вышел вслед за слугой.

Едва дверь за ними закрылась, в классе поднялся шепот.

— Видать, жене учителя совсем худо.

— Говорят, наставник Чжугэ еще в бытность свою учеником узнал о её болезни прямо перед экзаменом на титул цзюйжэня. Почти до губернского города добрался, а как услышал — всё бросил и повернул назад. Если б ей не требовались такие дорогие лекарства, чтобы жизнь поддерживать, он бы ни за что не пошел в обычные школьные учителя.

— Жаль его. Когда он стал сюцаем, ему и двадцати не было. А теперь минуло больше десяти лет, новые таланты подрасли, а он так и растратил полжизни на заботы.

— А я считаю, что учитель — человек редкой души. Столько лет жена болеет, а он её не бросает. Говорят, она совсем слаба и детей иметь не может, а тот ни наложницы не взял, ни о сыне на стороне не помышляет. Вот уж истинная преданность.

Вскоре учитель Чжугэ вернулся, выглядя еще более подавленным. Ученики, переглянувшись, затихли — больше никто не смел обсуждать его беду.

Когда занятия закончились и братья вышли за ворота школы, их догнал оклик: — Вэй Чэн! Вэй Чэн, стой!

Обернувшись, они увидели запыхавшегося Ли Синцяня. Тот бежал так быстро, что едва переводил дух.

— Брат Ли, что случилось? — обеспоенно спросил Вэй Чэн. — У тебя какое-то важное дело?

— Важное... дело? — Ли Синцянь замялся. — Да нет, ничего такого. Просто тут в одной ресторации подают изумительные молочные ракушки из взбитых сливок. Вот я и хотел спросить... не свободны ли вы с братом?

Горшочек не понял мудреного названия, но слово «изумительные» уловил сразу. — А что это? Вкусное? — тут же встрял он.

Ли Синцянь, видя интерес малыша, воодушевился: — Это сладкое лакомство, нежное-нежное, по форме как ракушка. Стоит в рот положить — само тает, а вкус — чистый мед!

Горшочек замер, непроизвольно сглотнув слюну. Вэй Чэн усмехнулся про себя.

«Видать, этот молодой господин Ли в науках не силен, зато в десертах знает толк — парой слов заставил у Горшочка слюнки потечь»

Ли Синцянь знал, как Вэй Чэн балует брата, а потому присел перед малым: — Хочешь попробовать? Их из самого свежего молока готовят, редкость великая. Говорят, в день всего пару тарелок выносят, коли опоздаем — ни за что не попробуем.

Горшочек вытер уголок рта рукавом и решительно замахал ручками: — Нет, нельзя!

— Почему это нельзя? — удивился Ли Синцянь. — Ты же сам хочешь!

Малыш похлопал по своему коробу с книгами: — Горшочку надо идти бусинки считать. Дедушка Чэнь нас ждет.

Ли Синцянь осекся.

Вэй Чэн, немного подумав, сказал: — Брат Ли, благодарю за приглашение, но за какие заслуги ты решил нас угостить? Как говорится, не заслужил — не принимай. Если ты и впрямь хочешь дружить, как советовал Сунь-шисюн, то давай обходиться без дорогих подарков. Дружба —

дело равное, и если сегодня ты угостишь меня таким лакомством, завтра и мне придется ответить тем же. А если мы станем каждый день так пировать, то и дружба наша превратится в пустую трату денег.

Ли Синцянь почесал затылок: — Да, пожалуй, я не подумал. Я привык с другими так сходитья — вечно мы по кабакам сидим. Забыл, что вы не такие.

— Брат Ли, — предложил Вэй Чэн, — если ты и впрямь хочешь составить нам компанию, не обязательно идти в ресторан. Пойдем лучше с нами к учителю счёта. Послушаешь, посмотришь — авось и тебе польза будет.

Лицо Ли Синцяня просияло: — А это мысль!

Он пристроился вслед за братьями, втайне испытывая облегчение.

С тех пор как бабушка велела ему держаться поближе к Вэй Чэну, его матушка, желая угодить свекрови (а заодно и выманить у той пару прибыльных лавок), проела сыну всю плешь. Она приказала ему во что бы то ни стало подружиться с Вэй Чэном, пригрозив оставить без карманных денег.

Ли Синцянь перепугался не на шутку и сразу согласился. И пусть в книгах он был слабее Вэй Чэна, а в счёте не чета мелкому карапузу, зато он мог водить их по лучшим заведениям города! Денег на это у него хватало, а дружба бы завязалась быстро. Кто ж знал, что эти двое откажутся от его «подношений»?

Но, как говорится, в облаках просвет нашелся. Вэй Чэн сам позвал его к учителю счёта, а значит, они теперь вроде как друзья. Теперь и матушке будет что доложить, и совесть чиста.

<http://bllate.org/book/15346/1412804>